

Звездочёт (Дорошевич)

В Китае, как это всем известно, существует обычай, что богдыхан дерёт за косу придворного звездочёта, когда тот сообщает ему, что дни стали убывать.

Обычай этот ведётся издавна, — и ещё в глубокой древности всегда делалось так.

Когда дни начинали делаться короче, а ночи длиннее, — придворный звездочёт торжественно и с церемониями являлся к богдыхану сообщить ему эту новость.

Богдыхан принимал его, сидя на троне, окружённый всем своим придворным штатом.

Звездочёт делал, сколько полагалось, поклонов и говорил, дрожа от страха:

— Сын неба, брат солнца и старший родственник луны, могущественнейший повелитель земли и морей, пусть драконы всегда будут благосклонны к тебе! Я принёс тебе известие: с сегодняшнего дня дни начнут убывать.

Богдыхан, по обычаю, говорил:

— А ну-ка, ну-ка, подползи сюда, червяк, осмелся повторить, что ты сказал!

Звездочёт, не помня себя от страха, подползал на коленях так близко, чтоб богдыхану стоило только протянуть руку, чтоб взять его за косу, — и говорил, наклонясь к земле:

— С сегодняшнего дня дни начнут убывать!

— Как же так? — строго спрашивал его богдыхан. — Дни будут становиться всё короче, а ночи всё длинней.

— Так что меньше будет оставаться времени для труда, для веселья, для молитв, для мудрых разговоров, и больше для лени, для сна, для лежебокства? Не так ли? — спрашивал богдыхан.

— Так, повелитель вселенной.

— Что же ты за звездочёт, и чего же ты смотришь? — восклицал богдыхан. — Подай-ка мне сюда свою негодную косу!

Звездочёт обёртывал косу жёлтым шёлковым платком и подавал её богдыхану.

И богдыхан начинал его таскать за косу «в поучение всем». Это не было простой церемонией, одной из десяти тысяч двух китайских церемоний.

Обычай требовал, чтоб богдыхан таскал звездочёта за косу до тех пор, пока не только у богдыхана, но и у звездочёта не выступит от усталости на лбу пот. И богдыханы всегда точно исполняли обычай. Богдыхан Юн-Хо-Зан был не только премудрым, но и добрым богдыханом.

Вступив на престол небесных драконов, он глубоко задумался над обычаем брать звездочёта за косу по случаю убывания дней.

— Это ведётся издавна, — однако улучшения нет. Дни, в своё время, каждый год начинают всё равно убывать, а ночи становиться длиннее. Так говорят все старые летописи. Очевидно, звездочёт тут ни при чём. За что же наказывать беднягу? И не пора ли отменить этот жестокий обычай, в котором я не вижу смысла?

Все придворные, конечно, поспешили заявить, что богдыхан тысячу раз прав, и громко восславили его мудрость.

Только один старый мандарин Тун-Ли-Чи-Сан поднял вверх указательные пальцы обеих рук в знак почтения и покачал головой из стороны в сторону:

— Ой! Я боюсь, чтоб с нашей страной не случилось какого-нибудь несчастья из-за отмены старого обычая! Юн-Хо-Зан был добр и улыбнулся страхам Тун-Ли-Чи-Сана.

— Конечно! — с поклоном сказал старый Тун-Ли-Чи-Сан. — Ты можешь поступать, как советует тебе твоя собственная мудрость. Но только я думаю, что и наши предки, да будет всегда благословенно их имя, не были глупы. Раз они установили такой мудрый обычай!

— Отлично! — улыбаясь сказал Юн-Хо-Зан. — Вот ты и разыщи нам, в чём состоит мудрость этого обычая, — и я даю клятву верно ему следовать!

— Я не знаю, в чём тут состоит мудрость! — покачал головою из стороны в сторону Тун-Ли-Чи-Сан. — Но раз предки установили такой обычай, в нём должна быть заключена какая-нибудь мудрость!

Между тем, приблизилось обычное время, когда дни должны были начать убывать.

Особым постом изнунив своё тело так, чтоб его поскорее прошибал пот, и помолившись предкам, придворный звездочёт, по обычаю, сообщил

блюстителю дворцовых церемоний, что он имеет сделать богдыхану весьма важное сообщение.

Тот предупредил об этом богдыхана, — и в назначенный час звездочёт, — чтоб не утомлять богдыхана, сделав 686 поклонов в соседней комнате, — был на коленях введён в зал.

Едва дыша от страха, он сделал пред богдыханом остальные 14 поклонов и сказал:

— Сын неба, брат солнца и старший родственник луны, да будут благосклонны к тебе все драконы! С сегодняшнего дня ночи станут делаться длиннее, а дни короче. Казни меня за это как хочешь!

Юн-Хо-Зан улыбнулся и ответил:

— Что ж с этим делать! Это всегда так было, и наказывать тебя не за что! Иди спокойно и считай звёзды, стараясь делать это честно.

Ушам своим не верил звездочёт.

Ног под собой не чувствовал от радости, когда делал богдыхану благодарственные поклоны.

Преступил даже этикет, сделавши двумя поклонами больше, чем следовало. Добрый Юн-Хо-Зан улыбался.

Придворные в один голос славили его мудрость за отмену жестокого обычая.

Один старик Тун-Ли-Чи-Сан качал головой из стороны в сторону, предчувствуя неминуемое несчастье.

Известие о том, что жестокий обычай тасканья звездочёта за косу уничтожен, — с лёгкостью и быстротой ветра распространилось по всей стране. Все славили мудрость богдыхана.

И через десять дней пятнадцать юношей из лучших мандаринских фамилий явились к блюстителю дворцовых церемоний, поклонились и сказали:

— Мы хотим послужить богдыхану ученьем считать звёзды. Мы желаем быть придворными звездочётами.

Блюститель дворцовых церемоний поблагодарил их и принял в звездочёты.

Как отказать человеку, который хочет быть звездочётом? На каком основании? Звёзды может считать каждый. Если они на этом поприще хотят послужить богдыхану?

Через три дня явилось ещё сто юношей лучших и знатнейших фамилий.

А затем желающие стать придворными звездочётами начали являться каждый день.

Никто не хотел ни служить, ни судить, ни писать, ни командовать войсками, — все хотели быть звездочётами.

Не стало ни судей, ни военачальников, ни главных писарей, — все кругом были только звездочётами.

Не только все юноши знатных фамилий, но даже многие из стариков записались в придворные звездочёты. И все дела пришли в упадок.

По истечении года, когда снова пришло время убывания дней, в зал богдыхана вошёл уже не один звездочёт, — а целая толпа звездочётов, молодых, пожилых и совсем старых, и в один голос объявила, что дни стали убывать.

Шум был такой, что богдыхан должен был даже заткнуть уши.

С недоумением обратился он к старому Тун-Ли-Чи-Сану, который сидел около и покачивал головой из стороны в сторону:

— Что мне с ними делать?

Старый Тун-Ли-Чи-Сан поклонился и сказал:

— Я нашёл премудрость, заключавшуюся в древнем обычае предков!

Сейчас же после приёма звездочётов богдыхан принял Тун-Ли-Чи-Сана с глаза на глаз в комнате совета и разрешил ему:

— Говори, действительно, то, что ты думаешь!

Тун-Ли-Чи-Сан много раз поклонился, поблагодарил за позволение и сказал:

— Старинные летописи, которые я читал в течение этого года, пока все записывались в звездочёты, повествуют, что не только никогда при дворе богдыхана не было более одного звездочёта, — но иногда двор оставался даже и вовсе без звездочёта. Так что приходилось назначать в звездочёты силою, в наказание за проступки и дурное поведение. Обычай быть оттасканным за косу до того пугал всех, что только самый ленивый и праздный из молодых людей соглашался идти в звездочёты и подвергаться наказанию в присутствии всех. Да и такой, как мы видим, находился не всегда. С мудрым уничтожением этого мудрого обычая никто не захотел быть, кроме как звездочётом. И дела страны пришли в упадок. Всякому хочется стать придворным звездочётом.

Только звездочётом, и никем более! Звездочёт пользуется всеми прелестями придворной жизни, и пойдя, усчитай его: делает ли он своё дело? Он говорит: насчитал пока 10 000 звёзд. Где они? Он показывает пальцем на небо. Проверь его! И все только считают звёзды. Воля твоя, и решение принадлежит твоей мудрости, но я нахожу обычай предков не лишённым рассудительности!

Юн-Хо-Зан отпустил его мановением руки и долго сидел в задумчивости.

Выйдя же из задумчивости, он приказал созвать весь двор и сказал:

— Вот дела в нашей стране пришли в величайший упадок. В этом я вижу наказание неба и мщение духов предков за неисполнение их премудрых обычаев. А потому я объявляю, что впредь буду свято исполнять обычаи предков, и со следующего же года восстанавливается обычай драть за косу придворного звездочёта, если он сообщит, что дни начинают убывать. Вы слышали? Теперь ступайте, и будем надеяться, что наше послушание заставит смиростивиться разгневанных предков и праведное небо.

Все придворные в один голос восславили мудрость богдыхана, но на следующий же день половина звездочётов пожелала перейти на какие-нибудь другие должности.

С каждым днём число звездочётов таяло, как кусок льда на солнце.

А когда, через год, снова настало время убывать дням, в зал, дрожа от страха, вполз на коленях всего один, прежний звездочёт.

Это был самый ленивый и праздный из молодых людей. Но и он хотел накануне отказаться от звания звездочёта и сделаться судьёй. Ему не позволили только, чтоб не нарушать этикета.

Сделав остальные 14 поклонов пред богдыханом, он, заикаясь от страха, сказал:

— Сын неба, брат солнца, старший родственник луны, пусть все драконы охраняют тебя и день и ночь. Дни нынче стали короче, а ночи длиннее, — но клянусь всеми моими предками и всеми моими потомками, я в этом не виноват! И заплакал.

Юн-Хо-Зан улыбнулся, подозвал его поближе, взял сквозь жёлтый шёлковый платок за косу и принялся таскать во всём согласно с обычаем предков. Напрасно звездочёт кричал: — Я вспотел уж! Я вспотел!

Юн-Хо-Зан продолжал таскать его за косу, приговаривая:

— Я тебе покажу, червяк, как сообщать богдыхану неприятные известия.

Так был восстановлен в Китае мудрый обычай предков. И дела страны, — как говорят летописи, — в скором времени процвели.